

УДК 94(47)"1917/1991"(470.343)

**КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ – СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ
В МАРИЙСКОЙ АССР В 1940–1950-Е ГОДЫ**

К. Н. Сануков

*ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»,
Йошкар-Ола, Россия*

На основе малодоступных архивных и опубликованных документов воссоздается часть истории организации спецпоселений для крымских татар на территории Марийской АССР в 1944–1956 гг. Освещены правовые аспекты организации спецпоселений, бытовых условий, труда спецпереселенцев – крымских татар в режимных спецпоселках. Показано значение этих поселков в дальнейшем развитии лесозаготовок в Марийском крае.

Ключевые слова: Крым, крымские татары, Марийская АССР, спецпереселенцы, режимные спецпоселки, лесозаготовки.

В годы Великой Отечественной войны Крым был оккупирован немецко-фашистскими войсками. Национальная служба безопасности создала «мусульманский комитет», а затем на его базе «татарский комитет», в программу которого входило создание формирований для оказания помощи германской армии. Немецким командованием было набрано около 20 тысяч человек из примерно 200-тысячного татарского населения Крыма. В апреле 1944 года, сразу же после освобождения Крыма, НКВД и НКГБ приступили к «очистке» его территории от «антисоветских» элементов. Практически это обернулось поголовным выселением крымских татар по обвинению в пособничестве оккупантам. Крымская АССР была упразднена, переименована в Крымскую область РСФСР.

Постановления ГКО о выселении крымско-татарского населения с территории Крымской АССР принимались 2 апреля, 11 и 21 мая 1944 года.

Основную операцию начали на рассвете 18 мая и провели за 3 дня. По окончательным данным из Крыма были депортированы 191014 крымских татар (более 40 тысяч семей) [5, с. 43]. Большинство из них увезли в Узбекистан. Остальных распределили по регионам России, в том числе в Марийскую АССР. С конца мая по начало июля 1944 года в Марийскую республику были выселены 2066 семей (9061 человек) крымских татар [1, д. 4, л. 36]. 2 июня 1944 года последовало Постановление ГКО о выселении с полуострова армян, болгар и греков. Часть из них (581 человек) была направлена в нашу республику.

Из воспоминаний Амдия Джелялова, опубликованных в 1994 году, возможно восстановить картину переселения крымских татар в Марийскую АССР. Автору

воспоминаний было 13 лет, когда ночью пришли за Джелиловыми сотрудники НКВД и НКГБ и погрузили в товарные вагоны. Амдий с братишкой в ту ночь находились в Ялте у тетки и в вагон с родителями не попали. Тех с другими детьми повезли в Костромскую область, а Амдия с братом, теткой, бабушкой и дедушкой – в Марийскую АССР. 10 дней ехали в битком набитых телячьих вагонах под конвоем. «Лишь на четвертые сутки – баланда, а к концу пути – вши горстями». Потом – конечная станция – город Волжск [4].

Крымские татары, армяне, болгары, греки, прибывшие с Крымского полуострова, в документах фигурируют под общим наименованием «спецпереселенцы из Крыма».

Данный контингент на территорию Марийской АССР прибыл в основном в четыре этапа [1, д. 1, т. 2, л. 114]:

27 мая 1944 г.	эшелоном № 616	семей 810	человек – 2983
29 мая 1944 г.	эшелоном №614	семей 699	человек – 2842
1 июня 1944 г.	эшелоном №606	семей 606	человек – 2670
6 июня 1944 г.	эшелоном № 732	семей 176	человек – 580
всего		семей 2291	человек – 9075

Выселенные из Крыма размещались в лесных поселках, чтобы использовать их на заготовке и вывозке древесины на основе договора ГУПАГА (от 20 февраля 1940 года) с Наркоматом лесной промышленности «Об использовании спецпереселенцев в системе лесозаготовительных организаций».

С прибытием крымских татар Наркомат внутренних дел Марийской АССР создал специальный аппарат для их обслуживания – спецкомендатуры НКВД, которые располагались в следующих районах [1, д. 1, т. 2, л. 36–37]:

1. Йошкар-Олинский район – на территории Суслонгерского лестранхоза, где расселено 255 семей (1272 человека) – одна спецкомендатура.

2. Волжский район – в городе Волжске с расселением 245 семей (1495 человек) – одна спецкомендатура.

3. Звениговский район – на участках сплавных контор Малой и Большой Кокшаги с расселением 282 семьи (1253 человека) – две спецкомендатуры.

4. Юринский район – на территории Юркинского лестранхоза с расселением 395 семей (1410 человек) – одна спецкомендатура.

5. Горномарийский район – на территории Волжского и Руткинского лестранхозов с расселением 577 семей (2259 человек) – две спецкомендатуры.

6. Медведевский район – на территории Йошкар-Олинского лестранхоза с расселением 312 семей (1374 человека) – одна спецкомендатура.

В сентябре 1944 года в Наркомате внутренних дел Марийской АССР создан специальный Отдел спецпоселений, который руководил работой по спецпереселенцам.

В условиях продолжающейся войны из фронтовых формирований крымских татар, как правило, убирали в тыловые части (стройбаты). Но некоторые оставались в рядах сражающейся армии, с окончанием войны наступало время и им разделить участь своего народа. Так, например, Селями Алимов из деревни Байдары

Балаклавского района провоевал всю войну на фронте, награжден орденом Красной Звезды и медалями, принят в Коммунистическую партию. В декабре 1945 года прибыл в Горномарийский район на встречу с семьей и здесь был определен на положение спецпоселенца [2, д. 34-9, л. 29].

На 1 января 1948 г. в Марийской АССР находилось спецпоселенцев «из Крыма» – 8079; на 1 января 1952 г. – 8244 человек, на 1 января 1953 г. – 8341 [3, с. 10].

Спецпоселенцы были жестко привязаны к местам размещения и спецкомендатурам. Для них был установлен посемейный и индивидуальный учет.

По-настоящему черными днями для спецпоселенцев стали те, когда им под расписку объявляли Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного места поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». Указ предусматривал, что на спецпоселении они остаются «навечно, без права возврата к прежним местам жительства». За побег предусматривалось 20 лет каторги. Коменданты спецкомендатур получили инструкции по выполнению Указа. Со спецпереселенцев ими были взяты расписки: «Расписка: Мне, выселенному..., проживающему в..., объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года о том, что я выселен на спецпоселение навечно без права возврата к месту прежнего жительства и за самовольный выезд (побег) с места обязательного поселения буду осужден на 20 лет каторжных работ».

Отправка на спецпоселение новых контингентов не прекращалась вплоть до смерти И. В. Сталина. В результате к 1 января 1953 года численность спецпоселенцев в СССР достигла максимальной величины – 2753356 человек, в Марийской АССР – 11112 [3].

Работа по обслуживанию спецпоселенцев, размещаемых с 1944 года на территории Марийской АССР, осуществлялась до июня 1954 года Отделом спецпоселений, который был создан в Наркомате внутренних дел МАССР, а позже – 4-м спецотделением.

На местах поселения спецпереселенцев создавались спецкомендатуры, работники которых были проинструктированы. Также на места спецпоселений были командированы оперативные работники, проведены оперативные совещания с начальниками РО НКВД.

С прибытием спецпереселенцев «из Крыма» была развернута работа по выявлению и разработке «контрреволюционного преступного элемента» среди спецпереселенцев. С этой целью среди спецпереселенцев начали вербовать осведомителей. В период с июня по август 1944 года было завербовано 13 осведомителей, а на 1 марта 1945 года их было уже 138 человек. За это время с их помощью было выявлено и привлечено к ответственности по 58-й статье 53 «антисоветских элемента» [1, д. 4, т. 1, л. 40]. В последующем такая работа приобрела еще больший размах. В «Книге Памяти жертв политических репрессий Республики Марий Эл» опубликованы десятки фамилий крымских татар, репрессированных и впоследствии реабилитированных [6].

Заботой спецслужб была также борьба с побегами спецпереселенцев. С момента заселения по 1 декабря 1944 года бежали из мест поселения 85 человек, из которых 35 человек так и не разыскали [1, д. 1, т. 2, л. 47].

Основными причинами побегов были следующие:

- 1) плохие материальные и бытовые условия, в которых проживали спецпереселенцы;
- 2) желание соединения с родственниками, проживающими в других областях и республиках;
- 3) слабый контроль со стороны спецкомендатур.

Для предотвращения побегов создавалась из спецпереселенцев же «противопобеговая сеть», вербовались группы содействия комендатурам по выявлению и задержанию бежавших, вводилась круговая порука по принципу десятидворок с избранием старших, у которых были отобраны подписки [1, д. 1, т. 2, л. 47].

Представляют интерес заявления спецпереселенцев, которые были донесены агентурно-осведомительной сетью. Так, 2 февраля 1945 года Кара-Ибрагим сказал: «Здесь жить трудно, работа тяжелая, голодно. Нас выслали не за то, что мы немцам помогали, – война здесь ни при чем, – а выслали как нацию, чтобы уничтожить татар». Подобные заявления подтверждают тяжелое положение спецпереселенцев. Шамратова, проявляя недовольство выселением татар из Крыма, одновременно восхваляя жизнь на временно оккупированной немцами территории Крыма, заявила: «Нас, крымских татар, переселили неверно. Мы жили хорошо только в период оккупации немцами Крыма, а при Советской власти хорошей жизни не было. Если бы не возвращение в Крым Красной Армии (похабно выражаясь), то мы бы не страдали. Я 25 лет при Советской власти не жила так хорошо, как жила при немцах 2 года». Османов Осман 1 апреля 1945 года в парикмахерской спецпоселка Шуйка в разговоре о жизни заявил: «Когда немцы находились в Крыму, то в советской печати писали, что немцы грабят местных жителей, отбирают скот, хлеб и имущество. Это неверно, немцы этого не делали, а Советская власть это проводила – брали от нас скот, хлеб, одежду» [1, д. 1, т. 2, л. 29, 63].

Спецпереселенцев с подобными заявлениями брали на учет для дальнейшей разработки.

Отдел спецпоселений МВД МАССР в исполнение Приказа МВД СССР № 00246 от 8 марта 1948 года в своей работе основными задачами ставил [1, д. 6, т. 1, л. 231]:

- 1) установление строгого режима в местах поселений спецпоселенцев, исключая какой бы то ни было возможности побегов;
- 2) организация точного учета, правильного и обязательного трудоустройства спецпоселенцев и административного надзора в местах поселения;
- 3) улучшение жилищно-бытовых условий спецпоселенцев.

Отделом спецпоселений совместно с комендатурами за период с апреля по май месяцы 1948 года по всем спецпоселкам полностью была закончена сверка фактического наличия спецпоселенцев с учетными данными на них [1, д. 6, т. 1, л. 232]. По окончании сверки во всех спецпоселках заведены новые книги учета и внесены соответствующие изменения в картонный учет.

Для установления строгого режима за этот же период по всем спецпоселкам проведены общие собрания со спецпереселенцами, совещания со старшими бараков, на которых им были разъяснены их обязанности и отобраны подписки об их ответственности за личный состав их бараков. Спецкомендатурами были заведены журналы явок глав семей и старших бараков один раз в месяц. Всем

совершеннолетним спецпоселенцам разъяснено «Положение о мере наказаний» в случае совершения побегов, и отобраны от каждого из них индивидуальные подписи.

Для установления контроля за нарушениями режима и трудовой дисциплины коменданты спецкомендатур должны были поддерживать постоянную связь с администрациями предприятий, а также с комендантами общежитий. Производственные бригады и цеха обставлялись агентурой и доверенными лицами, через которых устанавливалось наблюдение за лицами, склонными к побегу. В паспортах спецпоселенцев были произведены отметки с записью «Разрешено проживать только в пределах ... района Марийской АССР», а тем, которые не имели паспортов, – выдавались временные удостоверения.

В целях предупреждения побегов и задержания бежавших спецпоселенцев было организовано круглосуточное дежурство оперативного состава РО МВД по наблюдению за отходящими поездами и пароходами. Добиваясь выполнения Приказа МВД СССР №000246, Отделом спецпоселений МВД Марийской АССР за 1948 год был разыскан 81 бежавший спецпоселенец. По состоянию на 1 декабря 1948 года осталось в бегах: «из Крыма» – 80 человек, из них объявлено во всесоюзный розыск – 27 человек, а остальных – в местный розыск [1, д. 6, т. 1, л. 233].

Практиковались контрольные проверки жилых помещений работниками спецкомендатур путем внезапного обхода квартир выселенцев на предмет установления правильности доклада старших барачников. Для закрытия выходов из спецпоселков и своевременного задержания самовольно отлучающихся велась регулярная работа с имеющимися группами содействия как внутри поселков, так и вне спецпоселков, в которых, по состоянию на 1 января 1950 года, имелось 113 групп содействия с общим числом 539 человек. Группы содействия создавались также в прилегающих к спецпоселкам населенных пунктах. Отдел спецпоселений МВД проводил работу и по соединению разрозненных семей. По состоянию на 20 мая 1948 года общее количество разрозненных семей спецпоселенцев в Марийской АССР значилось в 322 семьи.

С начала расселения спецпоселенцев по 20 мая 1948 года всего выбыло в порядке соединения с семьями в другие области, края и республики «из Крыма» 1352 человека. Крымские татары в основном выехали в Узбекистан, Тульскую и Молотовскую области. За этот же период прибыло спецпоселенцев в Марийскую республику на соединение с семьями, работавшими в лесной промышленности «из Крыма» 1043 человека [1, д. 6, т. 1, л. 70–71].

Спецпереселенцы рассматривались Советским государством как дармовая «рабсила», как эффективная форма пополнения трудовых ресурсов. В условиях Марийской АССР спецпоселенцы привлекались к работам в лесу по заготовке и вывозке древесины в лестранхозах треста Маритранлес и на Марийском целлюлозно-бумажном комбинате для работы в цехах и на лесной бирже. В Постановлении Совета Народных Комиссаров № 235 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» говорилось следующее: «Все трудоспособные спецпереселенцы обязаны заниматься общественно полезным трудом. В этих целях местные Советы депутатов трудящихся по согласованию с органами НКВД организуют трудовое устройство спецпереселенцев в сельском хозяйстве, в промышленных предприятиях, на стройках, хозяйственно-кооперативных организациях

и учреждениях. За нарушение трудовой дисциплины спецпереселенцы привлекаются в ответственности в соответствии с существующим законом».

После окончания Великой Отечественной войны перед работниками лесных отраслей была поставлена главная задача – дать стройкам послевоенных пятилеток как можно больше древесины для восстановления разрушенного войной народного хозяйства, строительства жилья, новых предприятий. В исполнение этой задачи важный вклад внесли спецпереселенцы.

В систему Марийского целлюлозно-бумажного комбината прибыли 730 человек трудоспособного контингента, из них на 1 апреля 1945 года были трудоустроены 622 человека, в Маритранлесе из 2565 трудоспособных человек трудоустроены 2232 человека. Для устройства на работу женщин, имеющих детей, на участках были организованы школы и детские сады. Из числа трудоспособных не работали 432 человека.

Основными причинами невыхода трудоспособных спецпереселенцев являлись:

а) отсутствие в достаточном количестве на участках детских учреждений, поэтому трудоспособные женщины, имеющие детей, вынуждены были сидеть дома (например, Волжский леспромхоз);

б) отсутствие в достаточном количестве теплой одежды и обуви для работы в зимних условиях в лесу (например, Юринский леспромхоз);

в) не организованы на участках леспромхозов подсобные цеха, где бы могли работать физически слабые и многодетные женщины.

Некоторые руководители леспромхозов не доверяли материальные ценности спецпереселенцам, снимали их с работы без всяких на то оснований, а на их место ставили людей из местного населения. Также имели место случаи переброски спецпереселенцев с основных работ на малооплачиваемые. Так, в Абаснурском лесоучастке из 69 человек 35 спецпереселенцев систематически перебрасывались с основных работ на сжигание сучьев, очистку дорог и спиливание пней. За сентябрь 1948 года 69 рабочими спецпереселенцами выработано на основных работах только 508 человекоднев, остальное время затрачено на подсобные работы. Факты переброски рабочих с основных работ на второстепенные отмечены также по Волжскому, Руткинскому, Юркинскому леспромхозам треста «Марилес», причем эти работы по своему характеру различны и в значительной степени влияют на выработку норм и заработка рабочих.

Наряду с этим полностью не были изжиты факты обсчета спецпереселенцев и незаконных удержаний при исчислении зарплаты. Так, руководством Абаснурского лесоучастка сплавной конторы реки Малая Кокшага из зарплаты спецпереселенцам за июль 1948 года удержано 3747 рублей, якобы за дрова, полученные спецпереселенцами с дровяных складов лесоучастка на осенне-зимний сезон 1947–1948 гг., тогда как в действительности этого не было.

Часто спецпереселенцам приходилось преодолевать большие расстояния, добираясь до места работы. Так, на лесоучастках «Карачурино», «Пристань Дубовая», «11-й километр» и «Строительство Килемарской железнодорожной ветки» рабочим приходилось ходить на работу на расстояние 10 километров. «... В числе этих рабочих имеются женщины с грудными детьми, за путь следования этим рабочим не оплачивается, и транспорт не предоставляется. Следовательно,

эти рабочие ежедневно на 10 часов оставляют своих грудных детей, в данное время часть из них по указанной причине работу оставили».

ОСП МВД Марийской АССР в своей практической работе, наряду с другими мерами, в качестве одной из задач ставил максимальное трудоустройство выселенцев с учетом их профессии и физического состояния, добиваясь закрепления выселенцев в постоянные кадры. Принудительный труд причудливо дополнялся таким методом стимулирования трудового энтузиазма, как «социалистическое соревнование».

Из отчетов ОСП МВД Марийской АССР видно, что «выселенцы в своем большинстве к труду относятся добросовестно, нормы выработки выполняют и перевыполняют. Широко развернуто социалистическое соревнование между лесоучастками, бригадами и отдельными лицами».

Из доклада о работе 4-го Спецотделения МВД Марийской АССР за 1955 год видно, что «все спецпоселенцы трудоустроены. Лиц, не занимающихся общественно полезным трудом, не выявлено. Имели место факты, когда отдельные спецпоселенцы уклонялись от работы, таких лиц вызывали в спецкомендатуры, беседовали, предупреждали, давали срок для устройства на работу и оказывали помощь через администрацию в трудоустройстве».

Несмотря на все трудности, спецпереселенцы на своей работе добивались определенных высот. Так, по Козиковскому ЛПХ, являвшемуся передовым по тресту «Марилес», 35 спецпоселенцев систематически перевыполняли норму. Бригады лебедчика Ильясова С., электропильщика Ибрагимова Т., машиниста паровоза Аблязова З. держали переходящие Красные знамена. Моторист Сеит-Умеров выполнял норму на 213 %, трелевщики Арифов, Сеитумеров – на 176–218 %. Четырнадцать спецпоселенцам была объявлена благодарность. По Головинскому лесоучастку о лучшем трактористе Веисове Ю. помещена статья в центральной газете «Лесная промышленность», в газете «Марийская правда» помещены статьи о лучших шоферах Абкеримове, Бакалове, Кадырове, Ханбулаеве. По Суслонгерскому леспромхозу спецпоселенец Гафаров Аблямит, член ВЛКСМ, дважды награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Марийской АССР; возчики Симелетдинов Х., его брат Керим, грузчик Сетгаров систематически выполняли норму на 150–200 %. Спецпереселенцы, работая на предприятиях Марийской АССР, внесли существенный вклад в поднятие и развитие послевоенной экономики Марийской АССР.

Деятельность государственных органов подразумевала создание системы спецпоселений, способных обеспечить жизнедеятельность и эффективность труда спецпоселенцев. Но многие подготовительные работы, как правило, оставались на бумаге. Условия жизни на спецпоселениях складывались крайне неблагоприятные. Спецпоселки были отгорожены от остального мира.

Крымские татары, прибывшие в Марийскую АССР, были в основном расселены в общих бараках. Жилая площадь в этих бараках в большинстве своем была не подготовлена. Многим баракам требовался капитальный ремонт, устройство печей, застекление окон и другие работы. Постепенно в общих бараках в 1945 году были устроены комнаты на 1748 семей. Из непригодных бараков производили частичное переселение на вновь организованный участок Пикен-Агур. Но, несмотря на эти меры, 318 семей проживали в общих бараках, часть которых для жилья в зимних условиях была совершенно не пригодна.

К 1 января 1946 года из 1806 семей спецпереселенцев – крымских татар – 177 семей проживали в общих бараках; 47 человек были переведены в другие поселки, в отдельные комнаты с печным отоплением для каждой семьи. Построено 3 дома на 39 семей, также с устройством комнатной системы; переселены из общих бараков в дома с комнатной системой 213 семей; устроена комнатная система в бараках на 1562 семьи.

Но, несмотря на все предпринятые меры, жилищно-бытовые условия были по-прежнему в плохом состоянии. Это показали и результаты обследования, которое проводилось в декабре 1947 года. Так, например, в спецпоселениях Марбумкомбината «жилищно-бытовые условия находились в крайне неудовлетворительном состоянии: жилой площадью обеспечен не весь контингент спецпереселенцев, часть семей проживала на кухнях, а в бараках – чрезмерная скученность (3–4 семьи по 12–14 человек в одной комнате площадью 40–48 кв. м). Мест для хранения дров и овощей большинство семей не имели. Предметами домашнего обихода, а также постельными принадлежностями не обеспечены. В жилых комнатах от чрезмерной скученности царил антисанитария».

13 апреля 1948 года была произведена проверка санитарно-бытовых условий спецпереселенцев, проживающих в спецпоселке Орша Медведевского района Марийской АССР. Там всего находилось спецпереселенцев «из Крыма» – 97 семей, 370 человек, из них: мужчин – 73 человека, женщин – 108 и детей – 189 человек.

В абсолютном большинстве спецпереселенцы были расселены в помещениях барачного типа с переборками из теса, имели по одной комнате на семью, в отдельных случаях в одной комнате проживало по 2–3 семьи. Специальные кухни и сушилки в бараках отсутствовали. В каждой квартире спецпереселенцев были установлены подтопки, где проводились приготовление пищи и сушка одежды после работы.

Спецпереселенцы проживали скученно, жилой полезной площади на человека приходилось 2–3 кв. м., а в отдельных случаях было и меньше. Вся территория лесоучастка «Ошла», подучастков правого и левого тупиков, в особенности около жилых помещений, была засорена в большом количестве навозом, отбросами и другим мусором. Имеющиеся уборные и помойные ямы были не вычищены. В жилых помещениях было грязно, развелись клопы.

У большинства спецпереселенцев лесоучастка не имелось в достаточном количестве нижнего и верхнего белья, одежды и обуви по сезону, ходили оборванными. За отсутствием белья некоторые спецпереселенцы в бане мылись редко. Вошебойка в течение всего 1948 года не работала в связи с отсутствием печи (кирпич от печи был использован для котлопункта).

Заработная плата рабочим-спецпереселенцам выплачивалась нерегулярно, в большинстве своем – в порядке авансирования. Имелся острый недостаток в снабжении печеным хлебом, в особенности иждивенцев. На лесоучастке проживало рабочих и служащих 750 человек, на которых отпускалось хлеба в продажу 400 кг. Из них распределялось для общественного питания через столовую – 30 кг, детскому саду – 13 кг. Остальной хлеб – 357 кг – распространялся не в порядке открытой свободной торговли, а развозился по котлопунктам и баракам для продажи в первую очередь рабочим на производстве (на одну семью

по 2 кг), а то, что оставалось, передавалось многосемейным, детям и другим иждивенцам.

В большинстве своем спецпереселенцы лесоучастка «Ошла» не были обеспечены жестким инвентарем (стулья, табуретки, кровати), домашней утварью (ведра, тазы, умывальники) и кухонной посудой. Абсолютное большинство населения поселка, за исключением нескольких семей, не имело ламп. Они сидели с копилками, а отдельные семьи не имели и таковых.

За период с 1944 года по апрель 1948 года ссуды на приобретение скота и постройку домов по участку «Ошла» спецпереселенцам не отпускались [1, д. 1, т. 1, л. 188].

Самым болезненным вопросом для спецпоселенцев было снабжение продуктами питания, одеждой и обувью. Так, например, с момента прибытия спецпереселенцев – крымских татар – до 1 января 1945 года по Маритранлесу на 2232 работающих было выдано только 1413 пар валенок, 2394 штук ватных фуфаяк. Причем фуфайки и брюки были бывшие в употреблении, и 25 % этих вещей были употреблены как не пригодные для других целей.

В силу необеспеченности теплой одеждой и обувью, часть трудоспособных спецпереселенцев не выходила на работу. Так, в Козиковском мехлесопункте Юркинского ЛТХ 100 трудоспособных спецпоселенцев не выходили на работу по причине отсутствия теплой одежды и обуви.

Спецпереселенцы часто жили голодая. Руководство Маритранлеса и Марбумкомбината часто не выдавало муки и картофеля, согласно постановлениям.

Задержку хозяйственные руководители объясняли отсутствием транспорта, хотя фактически транспорт эти предприятия имели в достаточном количестве.

В целях улучшения материального положения спецпереселенцев, ежегодно проводилась работа по посадке индивидуальных и коллективных огородов и оказания им помощи семенами. Наряду с этим были организованы бригады из домохозяев-стариков и подростков по сбору дикорастущих ягод. Собранные ягоды сдавались торгующим организациям, за что последние выдавали сдатчикам промтовары. Часть собранных ягод продавалась на рынках, а на вырученные деньги покупался скот. Так, уже в 1945 году было приобретено спецпереселенцами коров – 10 голов, коз – 1166 голов, другого скота – 18 голов.

Торговля промышленными и продовольственными товарами, несмотря на Постановление Совета Министров МАССР за № 671с от 5 июля 1948 года, которое требовало коренного улучшения в торговле продовольственными и промышленными товарами, в ряде лесоучастков треста «Марилес» оставалась в неудовлетворительном состоянии. В практике торгующих организаций еще не была изжита выдача продуктов по спискам. Хлеб отпускался из расчета 800 граммов на рабочего и 200 грамм на иждивенцев, что ни в коей мере не удовлетворяло потребностей человека. Других продуктов питания – таких, как крупы, макаронные изделия, жиры сахар – поступало в крайне недостаточном количестве. Слабо была развернута торговля теплой одеждой, обувью, предметами домашнего обихода, посудой, мебелью, а торговля лампами и керосином совершенно отсутствовала [1, д. 6, т. 1, л. 221].

Одним из больших недостатков работы хозорганов была несвоевременная и неполная выплата зарплаты. Зарплату спецпоселенцам, как правило, выдавали путем авансирования по 20–30 рублей 3–4 раза в месяц. В результате по тресту

«Марилес» и Марбумкомбинату, по состоянию на 1 января 1949 года, задолженность по зарплате спецпоселенцам исчислялась в сумме 990765 рублей.

Постепенно положение спецпоселенцев улучшалось. Они обзаводились собственными домами, домашним скотом, огородами. На 1 января 1951 года спецпоселенцы имели: собственных домов – 145; крупного рогатого скота – 454, мелкого рогатого скота – 2366 голов. Но некоторые предприятия оставались глухи к нуждам спецпоселенцев. Так, например, в городе Волжске на апрель 1956 года часть поселенцев в количестве 17 семей проживала в бараке № 6, принадлежащем Марбумкомбинату, хотя данный барак был списан еще в 1951 году. В трех комнатах отсутствовал естественный свет, в двух комнатах отсутствовали двойные оконные рамы.

С прибытием спецпереселенцев на лесозаготовках начали строить школы и детские сады. Так, уже к 1 апреля 1945 года было организовано 18 школ, где обучались 1721 человек, 8 детских садов, где размещались 377 детей [1, д. 4, т. 3, л. 24]. Обучение производилось на русском языке. Школами была охвачена основная масса детей спецпоселенцев.

Кончина «вождя народов» пробудила у основной массы спецпоселенцев надежды и даже уверенность в скором освобождении. Среди «спецпоселенцев» настроения были отнюдь не траурными. В поселке Октябрьский Моркинского района комендантура сумела собрать на митинг из 500 поселенцев только около 50 человек, жители в бараках и своих домах отказывались вывешивать траурные флаги. Возбуждение наблюдалось и в других поселках. В документах МГБ отмечалось, что потребовалось «усиление режима, весь личный состав райотделений МГБ и спецкомендатур мобилизован, на помощь спецкомендатурам направлен весь оперсостав 9 отделения МГБ» [2, д. 33–42, л. 97–98].

По Постановлению Совета Министров СССР от 5 июля 1954 года «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» с учета снимались:

- а) дети спецпоселенцев, не достигшие 16-летнего возраста;
- б) дети спецпоселенцев старше 16-ти лет, обучающиеся в учебных заведениях.

Однако проведенное освобождение лиц моложе 16-ти лет в значительной степени было условным, ведь дети, хотя и были сняты с учета, но продолжали жить со своими родителями, находившимися на спецпоселении.

9 мая 1955 года Президиум ЦК КПСС принял Постановление «О снятии ограничений по спецпоселению с членов КПСС, кандидатов в члены КПСС и членов их семей». Все семьи коммунистов были сняты с учета спецпоселений. По Постановлению Совета Министров СССР от 24 ноября 1955 года «О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев» освобождению подлежали следующие лица: участники Великой Отечественной войны и лица, награжденные орденами и медалями СССР; женщины, вступившие в брак с местными жителями, а также женщины русской, украинской и других национальностей, выселенные вместе с крымскими татарами, чеченцами и другими по признакам супружеских отношений, которые позднее прекратились; одинокие инвалиды и лица, страдавшие неизлечимым недугом, которые не могли самостоятельно обеспечить свое существование; члены семей погибших на фронтах Великой Отечественной войны; преподаватели учебных заведений.

В отношении лиц, оставшихся на спецпоселении, принимались решения, призванные смягчить режим, приблизить их к статусу полноправных граждан.

Постановление Совета Министров СССР от 5 июля 1954 года предоставляло спецпоселенцам право заниматься общественно полезным трудом, право проживания в пределах данной области, края, республики, а по служебным командировкам – право свободного передвижения в любой пункт страны на общих основаниях.

13 декабря 1955 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О снятии ограничений в правовом положении немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Освобождению подлежали оставшиеся на спецпоселении немцы подконтингентов «выселенные» и «репатриированные», но без права возвращения к прежним местам жительства и без компенсации ущерба, нанесенного при выселении.

Этот Указ взбудоражил всех спецпоселенцев. Крымские татары и другие буквально атаковали сотрудников местных властей, МВД, прокуратуры вопросами: «Почему немцев освободили, а нас – нет?», «Чем мы хуже немцев?», «Когда нас освободят?» и т. п. Ситуация была такова, что, отменив особый режим в отношении одного депортированного народа (немцев), уже нельзя было не принять аналогичных решений в отношении других депортированных народов, что и было сделано в первой половине 1956 года.

Указы об отмене особого режима в отношении депортированных народов и других групп людей отличались половинчатостью, стремлением не подвергать критике проводившуюся ранее политику массовых депортаций. Речь шла о том, что люди были выселены «в связи с обстоятельствами военного времени», а теперь, мол, их пребывание на спецпоселении «не вызывается необходимостью». Это не означало никакой политической реабилитации депортированных народов. Они как считались народами-преступниками, так таковыми и оставались, с той разницей, что из наказанных народов превращались в помилованные. Во всех указах констатировалось, что снятие людей с учета спецпоселений не влечет за собой возвращения им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены.

В докладе на XX съезде КПСС Н. С. Хрущев среди репрессированных и «как бы» реабилитированных народов не назвал крымско-татарский народ.

С «освобождаемых» спецпоселенцев брались соответствующие расписки. Интересна была реакция среди спецпереселенцев на эти указы. Так, спецпоселенка Алиева Алима Эмировна, получив справку об освобождении, высказала: «Это не освобождение, а наказание, так как, будучи спецпоселенцами, мы имели защиту от органов МВД, а сейчас нас лишили этой защиты и заставили добровольно отказаться от родины и имущества». Айвазов Расим после ознакомления с распиской об освобождении заявил, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года для спецпоселенцев – самый страшный из всех ранее объявленных, что ни один Указ не лишал их родины, а пожизненное лишение родины – это самое тяжелое наказание. Он высказал намерение написать заявление в ООН за подписью 100–150 спецпоселенцев с просьбой рассмотреть их вопрос.

Кемалетдинов Абдул и Тохтаров Амет во время получения справок заявили, что «никакого Указа они не признают, а обязательно поедут в Крым, выкинут из своих домов живущих там людей, а если этого не удастся, то все сожгут». Подобные намерения высказывались и другими спецпоселенцами.

Значительная часть спецпоселенцев после снятия их с учета намеревалась выехать за пределы Марийской АССР, главным образом – в Среднюю Азию и Казахстан, на соединение с родственниками для работы в хлопководческих районах. Только за 1955 год выехали из Марийской АССР в Узбекскую ССР для соединения с семьями 1086 человек и временно выезжали 590 человек. В 1-м квартале 1956 года было выдано разрешений на выезд 211 спецпоселенцам, главным образом, в Среднюю Азию [1, д. 4, т. 1, л. 40].

Выезд спецпоселенцев за пределы Марийской АССР противоречил желанию органов МВД республики, которые главной задачей своей работы ставили закрепление освобождаемых из спецпоселений рабочих в постоянные кадры леспромхозов.

В сентябре 1967 года вышли два Указа Президиума Верховного Совета СССР. Первый из них выразительно назывался «О гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму». Он снимал с крымских татар огульные обвинения в измене Родине. Второй же – «О порядке применения Части второй Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года» (именно эта часть подтверждала запрет на въезд в Крым) – формально разрешал крымским татарам селиться по всей территории СССР, в том числе и в Крыму, но только «в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме». (А это сводилось к следующему: на работу не принимали без прописки, не прописывали без справки с места работы). На практике это означало, что новым «орудием государственной защиты» от крымских татар стали паспортный режим и прописка.

В мае 1990 года Госкомиссия по проблемам крымско-татарского народа приняла концепцию Государственной программы возвращения крымских татар в Крым, по которой признавалось право крымских татар на возвращение в Крым.

Работая на предприятиях Марийской АССР, крымские татары и другие «спецпереселенцы» внесли существенный вклад в поднятие и развитие послевоенной экономики Марийской АССР, в особенности лесозаготовительной промышленности. Большое число современных лесных поселков являются бывшими спецпоселками.

1. Архив МВД РМЭ, ф. 20.
2. Архив УФСБ РФ по РМЭ.
3. Земсков В. Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954–1960 гг.) // Социологические исследования. 1991. № 1.
4. Известия, 1994, 14 апреля.
5. Репрессированные народы Советского Союза: Отчет Хельсинкской группы по правам человека. 1991.
6. Трагедия народа. Книга Памяти жертв политических репрессий Республики Марий Эл. Т. 1–3.

1. Arhiv MVD RMJe, f. 20.
2. Arhiv UFSB RF po RMJe.

3. Zemskov V. N. Massovoe osvobozhdenie specposelencev i ssyl'nyh (1954–1960 gg.). *Sociologicheskie issledovanija*. 1991, no. 1.
4. Izvestija, 1994, 14 aprelja.
5. Repressirovannye narody Sovetskogo Sojuza: Otchet Hel'sinkskoj gruppy po pravam cheloveka. 1991.
6. Tragedija naroda. Kniga Pamjati zherty politicheskikh repressij Respubliki Marij Jel. T. 1–3.

**CRIMEAN TATARS IN EXILE SETTLEMENTS
IN MARI ASSR IN 1940-50S**

K. N. Sanukov

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

On the basis of rare archival and published documents the researcher reconstructs a part of history of exile settlements for the Crimean Tatars on the territory of the Mari ASSR in 1944–1956. The article covers legal aspects of the organization of such settlements, living and working conditions of the Crimean settlers. The author demonstrates the role of such settlements in the further development of the timber industry in the Mari area.

Keywords: the Crimea, Crimean Tatars, Mari ASSR, exile settlements, deportees, timber camp.

Об авторе:

Сануков Ксенофонт Никанорович, доктор исторических наук, профессор, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола.

About the author:

Sanukov Ksenofont Nikanorovich, Doctor of History, Full Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola.